

БИБЛИОТЕКА

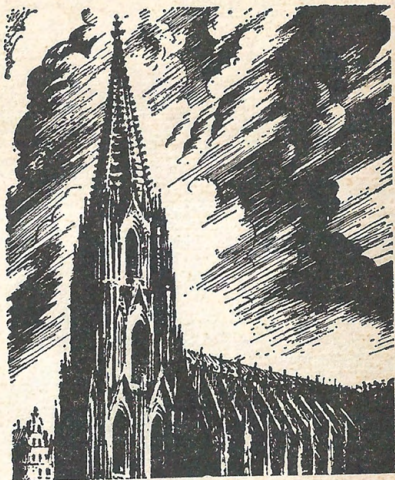
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 5

1987

С Т Р О Ф Ы О БЕССМЕРТИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

*страницы западно-
германской поэзии*

СТРОФЫ О БЕССМЕРТИИ

*Страницы западногерманской поэзии
в переводах Евгения Витковского
Перевод с немецкого*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

На обложке рисунок Ю. Михайлова.

СТРОФЫ О БЕССМЕРТИИ

*Страницы западногерманской поэзии
в переводах Евгения Витковского
Перевод с немецкого*

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 23.10.86. Подписано к печати 20.01.87.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,48. Усл. кр.-отг. 1,58.
Тираж 80000 экз. Изд. № 389. Зак. № 3956.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В этой книге — те стихи, которыми началась поэзия ФРГ. В нашем случае точнее будет сказать — Западной Германии, ибо ФРГ была создана в 1949 г., а «тысячелетний рейх» рухнул четырьмя годами раньше, когда над рейхстагом взвился советский флаг. Тогда же рухнул и «коричневый Парнас» фюрера: одни его придворные барды покончили с собой, другие — отправились на скамью подсудимых, третьи, не имея возможности получить от союзных войск лицензию на право печататься, сидели по темным углам и дожидались «лучших времен» — они для них, увы, настали в 50-е годы, в годы «холодной войны» и запрета компартии. Но именно в те четыре послевоенных года закладывался фундамент будущей западногерманской литературы, поэзии в частности.

Она складывалась из трех потоков: из творчества возвращавшихся эмигрантов, из творчества тех, кто, не теряя человеческого достоинства, сумел пережить годы коричневой чумы (как правило, не имея ни права, ни возможности печататься), и из творчества совсем молодых. Коммунистов, социалистов и других подлинно прогрессивных писателей на Западе не было, для них был открыт путь в ГДР — туда возвратились Брехт и Бехер, умер накануне переезда в ГДР Генрих Манн (там его ждал пост президента Академии искусств). Многие, как, к примеру, лауреаты Нобелевской премии Томас Манн и Нелли Закс, в Германию просто не вернулись. Но были и некоторые исключения: в Западную Германию вернулся, к примеру, самый значительный немецкий драматург XX века (после Брехта) Карл Цукмайер, чье театральное творчество в СССР хорошо известно. О том же, что Цукмайер был еще и значительным поэтом, советский читатель узнает лишь теперь.

Второй, и в те годы главный поток составляла так называемая «литература из ящиков письменного стола» — то, что накопили «в столе» те писатели, кто при нацизме или почти не печатался (как выдающаяся деятельница католического Сопротивления Гертруда фон ле Форт), или печатал одно, а думал и писал в стол другое (как Ханс Каросса — его «Полная расплата» говорит сама за себя), или тех, кто, как Бенн или Ланггессер, получили от нацистов полный «запрет на профессию». Запреты бывали и более изощренными: Эриху Кестнеру разрешено было писать только для детей, одному из главных пропагандистов русской культуры в Германии, И. Ф. фон Гюнтеру, запрещалось переводить с русского. Многие прошли войну в солдатской форме, ибо по возрасту годились на пушечное мясо, — Г. фон дер Вринг, П. Хухель, Х. Ланге, Г. Айх. Упомянутая вы-

ше Элизабет Ланггессер, одна из виднейших поэтесс XX века, уцелела буквально чудом.

Не перечить имен погибших, но те, кто выжил, почти все вернулись после войны в литературу. Не все прожили долго: сохранить здоровье в нацистские времена можно было исключительно ценой совести. В те же годы, последовавшие за войной, стал давать о себе знать и третий поток литературы — те, кому в 1945 году было меньше тридцати, иначе говоря, те, кто до нацизма начать литературную деятельность не мог физически, при нацизме либо не мог, либо принципиально не хотел. В послевоенные годы вступили в литературу столь яркие дарования, как К. Кролов, Х. Э. Хольтхузен, В. Бэхлер, Г. Пионтек, Х. М. Энценбергер, В. Хёллерер. Но лучшие годы их творчества (почти для всех) были еще далеко впереди. Иначе говоря, это были те, кто по-настоящему созрел творчески лишь в 60-е годы — тогда, когда в ФРГ была легализована компартия (1968 г.), когда, кстати, и началось первое, еще очень фрагментарное знакомство советских читателей с поэзией ФРГ. Прежде всего молодых. До «старших» тогда у переводчиков просто руки не доходили: советский читатель хотел знать прежде всего о том, «чем дышат» его современники. Но почти все поэты, из которых складывалась картина западногерманской поэзии в первые послевоенные 20 лет, тогда уже сошли со сцены. Многие умерли, другие отошли от поэзии по старости или сменив ее на «другой жанр»: скажем, выпустивший на рубеже 40-х — 50-х годов два сильных поэтических сборника Х. Э. Хольтхузен вместо своих стихов занялся чужими и ныне известен во всем мире как издатель наиболее полного собрания сочинений Р.-М. Рильке и как автор трудов о творчестве великого австрийского поэта.

В шестидесятые, даже в семидесятые годы публикации поэтов ФРГ в СССР были единичны: одна маленькая антология в «Молодой гвардии», одна авторская книжка западногерманского поэта (Эриха Кестнера), несколько разделов, посвященных поэзии ФРГ, в общеевропейских антологиях, несколько подборок в журналах. Лишь в восьмидесятые годы началось систематическое знакомство читателя с поэзией ФРГ — и с современной, и с «классической». В книжке, которую открыл сейчас читатель, собраны произведения прежде всего поэтов конца 40-х — начала 50-х гг. Тяготея к пейзажной, к философской лирике, поэзия тех лет все же бывала и острополитической. «И Цезарь, снова наделенный властью, нас отправляет в бой и на убой». За абстрактной фигурой «Цезаря» слишком ясно встает недоброй памяти мрачная фигура канцлера Аденауэра. Таких строк немного — повторяем, истинно прогрессивная литература тех лет была сосредоточена в ГДР. Но пусть стихи говорят сами за себя.

Читатель, конечно, удивится, что все в этой книжке рифмовано и уложено в строгие рамки классических строф. Только здесь позволил себе переводчик некую дань собственным поэтическим вкусам. На «просторе» в четыре десятка стихотворений все равно полной панорамы поэзии не представишь — пусть же будет видна панорама хотя бы внутри одного жанра.

Итак, май 1945 года...

ПОЛНАЯ РАСПЛАТА

(Май 1945 года)

Устрашившись вопля фурий,
Отрезвев от крови, мы
На своей познали шкуре
Мщенье за годы тьмы.

Все ушло, мелькнуло мимо,
Догорел пожар дотла.
Тень вины неискупимой
Из-за нас на мир легла.

Мир за черные години
Полон болью и стыдом:
Из погибших ни единый
Не вернется в отчий дом.

Ужас канул, ужас прожит;
Каждый, кто его вкусил,
Ныне радоваться может
В меру совести и сил.

Время — радости великой;
Детвора шумит; смотри,
Как цветущей повиликой
Обрастают пустыри.

Слава жизни! Сгинул ныне
Страшный сон — ушел, исчез!
Встал над миром купол синий
Неизведанных небес.

О, рыдания бесполезны —
Жизнь вступает в колею.
Одному ли мне у бездны
Оставаться на краю?

Иль забыть урок суровый,
Не смотреть в былую тьму?
Пусть найдется в жизни новой
Место сердцу моему.

Ибо тот, кто с прошлым связан,
Памятью вины ведем —
Тот судить себя обязан
Строгим, собственным судом.

Благо всем, кто жизнь восславит!
Но забвенья в мире нет:
День грядущий да проявит
Негативы страшных лет.

Все рассмотрит непредвзято
Беспощадный судия:
Это — полная расплата
По законам бытия.

ГЕРТРУДА ФОН ЛЕ ФОРТ
(1876—1971)

ЛИШЕННЫЕ ОТЧИЗНЫ

Мы — первенцы предвещанного блага
чье имя — Свет, —
теперь во тьме; нам не ступить ни шага
без новых бед.

Мы, знавшие отчизну и свободу,
сыны земли —
теперь прошли через огонь и воду,
сквозь кровь прошли.

Простер на нас крыла владыка бездны —
Да, он велик!
Мы знаем, что стенанья бесполезны,
до смерти — миг.

Да, наша жизнь в руках владыки злого
недорога.
Мы ведаем теперь, чем стало слово
в устах врага.

И мы бредем, без карты, без маршрута,
замкнув уста.
Сыны земли, нам нет нигде приюга,
страна пуста,

и город пуст,— над ним царят потемки,—
нет, море тьмы!
Мы видим мир— верней, его обломки.
Так с кем же мы?

Всевидящий, зачем так много боли
в сей грозный час?
Мы лишены отчизны — от юдоли
возьми же нас!

Иссякли слезы, сердце истомилось —
о горький век!
Пусть высшая на мир прольется милость —
Не кровь, но снег.

ГОТФРИД БЕНН
(1886—1956)

* *
*

Станет ли жизнь печальней:
камень, бетон, стекло,
стол в столовой, лежанка в спальне —
что, тяжело?

Такого ли оборота
ждал ты в судьбе?
Что заграждают ворота
лично тебе?

Пройдут ли страдания даром?
Дашь ли ответ
за слитый единым пожаром
факельный свет?

Вечера на скамейке сада,
где дыхание тая,
дождаться, быть может, надо
прекращения бытия:

все разом исчезнуть может,
с собою расстанешься ты —
каждая капля множит
тоску тесноты.

Но что бы ни означали
горечь и сгинувший сон —
помнишь ли ты о печали,
данной тебе, как закон?

ЛЕТОМ

Лучи голубизну вот-вот расплавят,
но этому случиться не дано.
Неужто никогда тебя не давит
тот факт, что ты и мир не суть одно?

Ты, отвечавший эрам и зонам
всегда стихом, всегда дрожаньем уст —
«О, как ты слаб — по собственным законам...»,
«О, как ты светел — потому что пуст...»

Ничтожества, урвав клочок от лавра,
своих заслуг прикидывают вес:
ты, жалкое подобие кентавра,
что согласишь в тяжелой синеве небес?

ПРОЩАНИЕ

Я полн тобою, словно кровью рана,
ты, прибывая, бьешь через края,
как полночь, ты становишься пространна,
луга дневные тьмою напоя,
ты — тяжелое цветенье розы каждой,
ты — старости осадок и отстой,
ты — пресыщение утоленной жаждой,
что слишком долго была мечтой.

Решив, что мир — клубок причуды вздорной,
что он не твой, а значит, и ничей,
не в силах слиться с жизнью иллюзорной,
с неумолимой властью мелочей,
глядишь в себя, туда, где мгла слепая,
где гаснет всякий знак, любой вопрос —
и молча ты решаешься, вступая
в тоску, и в ночь, и в запах поздних роз.

Не можешь вспомнить — было так иль эдак,
что памятно? что встречено впервой?
Взялись откуда — спросишь напоследок —
твои слова и ответ горний твой?
Мои слова, моя былая участь,
мои слова — да, все пошло на слом, —
кто это пережил — живи, не мучась,
и более не думай о былом.

Последний день: края небес в пожарах,
бежит вода, все дальше цель твоя,
высокий свет сквозит в деревьях старых,
лишь самого себя в тенях двоя;
плоды, колосья — все отныне мнимо,
ничто уже не важно в этот час;
лишь свет струится и живет — помимо
воспоминаний, — вот и весь рассказ.

* *
*

Существуешь ли ты?
Позабыто начало,
середину — промчало,
дальше — край темноты.

Зачем стремиться к экстазу,
зачем ликовать гурьбой,
внимать заморскому джазу,
если вечер ни разу
не остался с тобой?

Преодоление испуга,
рывок, достижение вершин,
или просто — часы досуга,
плоскость гончарного круга,
глина, — быть может, кувшин?

В глине да будет сразу
тебе предвидеть дано —
кувшин ли, урну ли, вазу,
розу, масло, вино.

* *
*

Клади белила на лицо погуще,
прищурься, будь неузнан и незрим,
старайся все, что лишь тебе присуще,
под маску скрыть, под непрозрачный грим.

В ночи, под непрерывным звездопадом,
бредя садами в сторону зари,
никак не выдай, ни слезой, ни взглядом,
того, что скрыто у тебя внутри.

Таи свой жребий, горький и тяжелый,
сledi, чтоб всем казалось до конца,
что всюду тишь, — лишь ветер от гондолы
доносит песню дальнего гребца.

ДНИ ОСЕНИ

Дни осени, по всем приметам,
впускают в кровь твою ростки:
пора кончать расчеты с летом,
смести с дорожек лепестки;

фонарь китайский на террасе
успел потухнуть и облезть,
и мысли о последнем часе,
задребезжа, внушает жечь, —

строфа, оборванная немо,
листва, летящая, шурша...
Ты, мягких рычагов система,
ответствуй, где твоя душа?

ДОМОЙ

Когда в беспамятстве зимой,
в снегу, в ночи, бог весть откуда
плетешься, — как тебе ни худо,
дойти пытаешься домой,

туда, где, не смыкая глаз,
лежишь обычно целыми ночами,
цитатами напичкан и речами,
что по себе дневной оставил час, —

однако знаешь — тем же прожил дед,
и тем же проживешь и ты, и дети, —
не думаешь ли ты, что все на свете
не что иное, как первичный бред?

ГЕРМАН КАЗАК
(1896—1966)

ГРОБНИЦА ВОЛЮМНИЕВ¹

Множит солнце красоту
Холмов умбрийских и сада.
Всюду лоза в серебристом цвету
Будущего винограда.

Кипарисов темный креп
Миру — контраст печальный.
Предо мной — дорога в склеп,
Тропка в толще скальной.

С гладких, красноватых плит
Льется холод жесткий;
Факел пламенем шевелит,
На стене — силуэт громоздкий.

Как всем пришлецам, уместно и мне
Почтение к древней вере.
Близость ли смерти сейчас в глубине
Пульсирующих артерий?

¹ Гробница древних этрусков возле Перуджи.

И я иду в чертог под скалой,
Вниз, по лестнице узкой,
И вдыхаю дух былой
Древности этрусской.

Прежние боги блюдут в тишине
Прежние законы:
Над саркофагами, на стене —
Голова Горгоны.

Но не отогнать беду
Мгле тысячелетней.
Ныне к пращурам иду
Я, их сын последний.

Лавроносцу — смерти страх
Здесь грозней и гуще.
Прах ты был и станешь прах,
Как любой живущий.

Смело выигравший бой —
В топь забвенья канет.
Каждый, взысканный судьбой,
Взыскан смертью станет.

Должен дух новейших дней,
Демонов потомок,
Здесь кружить среди теней,
В тишине потемок.

Но и здесь, во тьме сырой,
Жизнь тревожит души:
Доносящейся порой
Флейтою пастушей.

А приход или уход
Знаменуют смену:
Только смерть и придает
Бренной жизни цену.

РИСУНОК

То, как ветер касается навесу
Листвы, словно ряда клавиш,
То, как деревья танцуют в лесу,
Ты под кистью ожить заставишь.

Темные кроны, выйдя из мглы,
Погянутся к небу в дрожи.
Из линий волшебных проступят стволы,
И, подсвечены, станут моложе.

Мягкий песок у берегов
Не тронут стопой человеческой,
Но четкий рисунок птичьих шагов —
Примета низких поречий.

Птица, палитра — уже в былом,
В забвенье.
Но картина отныне хранит под стеклом
Остановленное мгновенье.

ИТОГ

Неуютностью мирскою
Мир пронизан по-людски.
Время тянется к покою,
Заплетаясь в узелки.

Все, что красками дышало,
Затянула пелена.
Как пергамент, обветшала
Никчемушная луна.

Звездный блеск на небосклоне,
Свет галактик — все ясней.
Наши нищие ладони
Просят хлеба у теней.

МАЛЕНЬКИЕ СТРОФЫ О БЕССМЕРТИИ

Как прибой морской —
Буря и покой,
Словно пена — время и пространство;
Но во всем, всегда
Светит, как звезда,
Отблеск вечности и постоянства.

Нет, совсем не ложь:
Ты, придя, уйдешь,
Как песок и капля дождевая,
Впрочем, не беда:
Скалы и вода
Существуют, не переставая.

Но к чему слова?
Знай, в тебе жива
Неуничтожимая частица,
Знай, что только в ней
Смысл веков и дней,
Смысл бессмертья, что в тебе хранится.

СТАРОЙ ЖЕНЩИНЕ

Тот огонь, что цвел в тебе когда-то,
Недотлел под пеплом до конца.
Так рассвет живет в огне заката,
Юность греет старые сердца.

Черный дрозд, запевший на рассвете,
В час вечерний станет соловьем,
И порой полны рыбацьи сети
Вместо рыбы — золотым литьем.

Но слабее, разве только реже,
Прорывается огонь со дна.
Посмотри! Созвездия все те же.
Слушай! Пламенеет купина.

НЕНАРЕЧЕННАЯ ЗВЕЗДА

Ночной порой, склонясь к огню сутуло,
В окно я глянул мельком — и тогда
Передо мной внезапно промелькнула
Неведомая мне звезда.

Упала в мой очаг, и в стылом пепле
Зеленой каплей стала налитой.
Мои глаза на краткий миг ослепли,
И захлебнулось сердце немотой.

Исчезло всё — едва я поднял веки.
Взялось — откуда? И ушло — куда?
Но для меня теперь горит вовеки
Ненареченная звезда.

БУХТА В КАМЫШАХ

В больших озерах топкие заливы
Обводит плотных плавней полоса, —
Как бы восходят, тягостно-сонливы,
Из влажных лон древнейшие леса, —
 Колеблет ветер, ласково шурша,
 Метелки ситника и камыша.

Над лодкой, наготу твою обтрогав,
Любовник-солнце ластится в поту, .
И комариные следы ожогов
Стрекало страсти множит на лету, —
 И лишь глядит на вас исподтишка
 Нахохленная голова нырка.

Шуршанью, плеску — ни конца, ни края;
Подрагивают крылышки стрекоз;
Вдоль флейты пальцами перебирая,
Сатир стоит, раздвинувши рогоз, —
 Идут часы, и каждый жаркий миг
 Течет, как капля крови, на язык. ---

ВРЕМЯ ИСПОЛНЕНИЯ

До половины прожитое лето;
Встает богатство мира в полный рост.
По небесам грохочут до рассвета
Рои бесчисленных августовских звезд.

Ни клеверов на нивах, ни колосьев,
С черешен снят отрадный груз плодов;
Цветы, на ветер лепестки отбросив,
Роняют семя прежде холодов.

Как пряно пахнет флокс порой вечерней!
День, словно шлемник — темно-голубой.
Возможно ль чувствам быть в душе безмерней,
Чем в их высокий нынешний прибой?

О полнота, о время исполнений,
Ночей беззвездных дальновидный страж!
Я знаю: роскошь тишины осенней —
Лишь то, что ты на бедность ей отдашь.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ В ЛЕСНОМ РУЧЬЕ

Я женщине мешок с листвою в чащобе
Нести помог, — ореховым прутом
Она меня ударила потом
Из благодарности, а не по злобе.

Боль остывала медленно, однако
Почти ушла в пучину забвения,
В тот миг, когда совсем неожиданно я
Увидел на поверхности ручья
Как бы замену памятного знака:

Пятизубцовый одинокий лист,
В предсмертном волшебстве пурпурно-пылок,
Пронизан сеткой кровавых прожилок,
Испятнан ржавчиной и все же чист
На фоне золотом, у валуна
Он задержался, трепеща слегка,
Пока его не сорвала волна,
Как некая незримая рука,—

И сразу прочь, в лощины и в овраги
Умчался лист, кружением влеком;
Лишь след от черешка скользнул по влаге,
Как промельк рыбки над речным песком.

Но я смотрел на смутную межу,
Я долго медлил, в страхе обмирая:
И мне казалось — я стою у края
Разверстой бездны и в нее гляжу.

ФРИДРИХ ГЕОРГ ЮНГЕР

(1898—1977)

МАВРИТАНКА

(Из цикла «Восточный город»)

Розами и падалью пропитан,
Светом залит город глинобитный.
Остров средь пустыни первобытной,
Меж полей нарциссов чутко спит он.

Мавританка, паранджу откинув,
Выйдет в дворик — в подлинном обличье.
Круглые глаза, как яйца птичьи,
Черно-белы. Стоны муэдзинов

Ломятся, в рассудок издалека.
Дохлые собаки — часть пейзажа.
Вкруг мечети мерно ходит стража,
Каменной, как заповедь Пророка.

Вьются мухи тучею зеленой.
Азраил выходит на прогулку.
Черный маг спешит по переулку,
Схожему с жаровней раскаленной.

Словно мельница, руками плещет
Мавританка — парой черных крыльев:
Что с тобою?.. Напрочь обессилив,
Город в смертной духоте трепещет.

Танец твой для чужеземца страшен,
А твоя душа — летит, хохочет,
Вздрагивают груди, и топочет
Пара ног подобьем черных башен.

Только тень твоим движениям вторит.
Голуби взмывают в купол синий.
Тишина — один лишь крик павлиний,
Будто нож, ее порой распорет.

СОБАКИ

(Из цикла «Восточный город»)

Сплошные кости, кожа да короста;
Как дети, робки и боятся палок.
Они живут в гниющих недрах свалок,
Куда вползать и мерзко, и непросто.

Там есть прокорм — куски гнилья и рвани,
И можно скрыться от людей недобрых;
Испробуешь булыжника на ребрах —
Начнешь бояться человечьей брани.

Когда луна виситверху, во мраке,
И купола мечетей над пустынным
Песком подобны яйцам страусиным,
На небо начинают выть собаки.

Воздеты головы собак бродячих
Туда, где только звезд толпа седая;
Псы до рассвета воют, ожидая
Услышать вой небесных стай собачьих.

Но счастье дверь пред ними не закрыло:
Известен страстный трепет — им, которым
Затем дано, таясь по смрадным норам,
Вылизывать щенков слепые рыла.

Терпенье! Дастся каждому по вере:
Молящийся, помысли о собаке,
О звездах глаз ее: в грязи, в клоаке
Живут и жизни радуются звери.

СТАРИКИ

Гудят колокола, звонят к обедне,
А старики сидят на солнцепеке;
Лазурью полон небосвод высокий.
Удар, еще удар, и вот — последний.

Окончен счет отзвучий монотонных.
Потом начнется тихий звон часовен.
О, бег часов так беспощадно ровен!
Цветет лоза на ближних горных склонах.

В серебряном дожде — кусты жасминов,
Он плещется в ветвях, как свет нездешний.
Лишь колокол враждует с тишью вешней.
Сверкает небо, синь шелков раскинув.

О чем на скамьях думают старухи?
Морщинами лицо изрыли годы,
А в памяти — объятия и роды;
Плывут былые образы, как духи.

Как ласка юности, как ветер лета,
Воспоминанье — вечное светило.
Со дна времен всплывает всё, что было,
И пахнет, словно роза в миг расцвета.

За старцами всечасно мчит по следу
Сатурнова ладья, — однако в дреме
Они живут в давно снесенном доме,
С давно умершими ведут беседу.

Чу, барабан! И пожилые люди
Внезапно слышат — возраст не помеха, —
Разносится, как в раковине, эхо
Разрывов бомб и грохота орудий.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Не сраженья ли духов грядут, при которых
в облака ударяет воздушный прибой?
Прошлогодние алые листья в просторах
закружились, как ткани,— и множится шорох,
и полуденный свет, словно кровь под стопой.

Не фламинго ль крыла распластал в небосводе,
иль предчувствие розы растет вперехлест?
Снежнаягодник, горка стеклянных соплодий,
открывается ветру — и вот, на свободе,
разлетаются чашечки крошечных звезд.

Шелестит золотарник — шуршит панихидой
семенам, унесенным в простор синевы.
Даже пугало шепчется с кариатидой,—
тайну, вестница Леты, немедленно выдай,
ту, что спит в глубине прошлогодней листвы.

Это гальки над берегом блеск глянцевиный,
Иль раздвинулась прорезь в небесном жабо?
Там стоят, темно-серой одеждой прикрыты,
две фигуры: достоинству шведской Бригитты
соответствует благодать китайца Ли Бо¹.

И все шире лазурь, все живей сердцевина—
синевы заколдованной внешний разлив.
Как синица над желобом, дрогнет пучина,
и, прозрачней слезы, теневая картина
растрепещется, в зренье поэта вступив.

¹ Св. Бригитта Шведская — средневековая латинская писательница (XIV в.),
Ли Бо — классик китайской танской поэзии (VIII в.), оба вошли в литературу как
«певцы весны».

СКАЗАНО В ПОЛДЕНЬ

Сад в полудреме. Покой низошел
полднем долгим, сонливым.
Скоро ли яблокам..падать в подол,
грушам и круглым сливам?

Все дозревает: колени расставь
для терна и мирабели.
Сладостью, магией взвихрена явь.
Спелость почти на пределе.

Наполняют чашу до ободка
плоды, благодарные зною,
лежат, мерцая, как облака,
желтизною, голубизною.

Паданки — ливнем. Во что перейдет
взятый от целого выдел?
Все — нараспашку. Несорванный плод
сгинул и жизни не видел.

Шорох в беседке: с утра до утра
там наседка сидит — притомилась.
Время, куда ты? В Заморье, пора...
Где же ты, сладость? Твоя кожа
желта ли, багрова? Ты жизнь иль игра?
Ответом доносится: милость!

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

I

Мак, облета́й, — к чему хранить
дождинок тяжких зерна;
и ящерку легко сманить
во тьму корней — туда,² где нить
прядет вторая Норна:¹
выводок юный —
в гнездах чижата;
пишутся руны
коротко, сжато;

² Норны — в германской мифологии три богини судьбы.

роза давно лепестки обронила,
иглы татарник топорщит уныло —
цвел ведь, убогий, когда-то.

Он сделать силится рывок —
собой заполнить поле.
Там пугало, как поплавок,
под ним — цветочный островок
среди зарослей фасоли.
Куколь со снытью
скручены твердо;
стянуты нитью
кросна и берда, —
голос Гермеса из вечного мрака:
«Куколка, вызрей в коробочке мака,
бабочкой вылупись гордо!»

Уток погоды дождевой
струится по станине,
мгновенья мчат через навой,
и духотою дождевой
пропитан плат полыни.
Пасти мочажин —
в гнили и в прели;
шорох протяжен;
тыквы созрели.
Умер снегирь, птицелов одурачен...
Отсвет над папортью все еще мрачен,
но не обманет у цели.

II

Споры от папорти — крылья сандалий.
О Гермес, не твоя ли работа?
Вскрыты семянки, и в дальние дали
сами подошвы тропу угадали —
но смотри, не попасть бы в тенета!

Вспомни Клингзора: волшебник могучий
мне роднею доводится дальней.
Вызнала я, на неведомый случай,
жабника тайну, и мыши летучей —
ты не сделаешь путь мой печальней.

Лета взбухает — и пенится дико
Унструт, речка подлунного мира.

Двух этих рек божество, Эвридика,
заточена в берегах: безъязыка
и безмолвна Орфеева лира.

III

Лепесток опасть спешит;
мак в коробочке шуршит
тяжкий, темнокровный.
Знай, что Норна ткёт мечту,
подрубая на лету.
Спи, мой цвет шиповный.

Спи для Норны, что тебе
уготовила в судьбе
трудный путь, греховный.
Не серпом и не мечом,
знай, полынь с тропы ссечем.
Спи, мой цвет шиповный.

Спи, под шорох с вышины.
Для бессмертных не важны
звенья родословной.
Мчатся ветры, шелестя.
Знай, Орфей — твоё дитя.
Спи, мой цвет шиповный.

УХОД СЕМЯН

Сентябрь — хозяин хмурый:
приспели времена.
Походкою понурой
в обувке жесткой, бурой
уходят семена.

Босые кармелиты
бредут в туман, во тьму,
для всех ветров открыты,
и ливнями облиты,
и мучены в дыму.

Султаны, камилавки
плывут сквозь белый свет —
ни отдохнуть на лавке,
ни добрести до травки
у них надежды нет.

Стоят подобья пагод —
салатная гряда.
Пучки, устав от тягот,
обвянут, в землю лягут,
лишь грянут холода.

Из древних лет несмело
бредет жрецов толпа:
для орфиков припело
мгновенье смены тела,
священна их тропа.

Пусть имя — лишь обнова,
но неизменна суть.
Пусть гаснет свет былого,
в семянке — скрыто Слово,
и мир не стар ничуть.

МАРТИН КЕССЕЛЬ

(р. 1901)

* *
*

Нет, мир земли не столь убог,
чтоб не почуять рост корней,
чей путь и долог, и глубок,
но ввысь приводит тем верней;
Во всем живом — росток такой
являет смысл и естество, —
он есть в любой душе людской,
и попросту — на дне всего.

Нет, мир земли не столь убог,
чтоб отказаться наотрез
от перепутий и дорог,
снегов и синевы небес;
от счастья тайного, когда
тела сливаются в одно,

и блещет багрецом вода,
преображенная в вино.

Нет, мир земли не столь убог,
чтоб не были ему даны
права — не подводить итог,
не раздувать пожар войны;
жизнь говорит: держись, поэт!
Так не впадай же в забытие,
и в час, когда надежды нет,
есть малый ответ от нее.

Нет, мир земли не столь убог,
чтоб не постичь болезнь свою, —
его закон и прям, и строг,
он верного найдет судью,
чтоб тот, бывшее обозрев
и меру зла установя,
обрушил справедливый гнев
на вредоносного червя.

Нет, мир земли не столь убог,
чтоб я утратил интерес
к нему, растящему залог
несметных будущих чудес;
и я обязан жизнь пройти,
частицу Истины храня,
чтоб даровала мне пути
Земля, носящая меня.

ДРУГОЙ

Короткий шаг вперед,
такой же беглый взгляд —
и ты уже не тот,
что миг тому назад.

Зажегся новый миг,
ты молвишь — «ты и я»,
но изменились лик
и сущность бытия.

Быть может, это снег
над кровлею мечты;
себя к числу калек
не причисляешь ты.

Ты сам ли так хотел,
иль недостало сил?
Снегирь ли пролетел
и сердце погасил?

ХОРСТ ЛАНГЕ
(1904—1971)

АНГЕЛУ, СБРОШЕННОМУ ВЗРЫВОМ БОМБЫ

Тяжко, тяжело рухнувший с колонны,
Больше непричастный небесам,
Падший, состраданьем обойденный
Тех, кого спасти не в силах сам,
Утеравший право благодати,
Сгинувший боец верховной рати.

Скорбно, скорбно сверженный с портала,
Прежде небо видевший вблизи,
Но, когда земля вострепетала,
К ней слетевший, чтобы лечь в грязи,
В пропасти печали безграничной —
С ветвью миротворною, масличной.

ЛУНА ЭЛЛАДЫ

Луна Эллады — на стеле
Посмертных записей ряд;
Маслины, вино, асфодели,
Цикуту пьющий Сократ.
Хитрость и ложь тиранов,
Убийство из-за угла —
Все сгинет, в неизвестность канув,
Выгорит все дотла.

Луна Эллады — багрянцем
Залитые города;
Только флейта нам, чужестранцам,
Воскрешает былые года:
Сумятица мироздания
Сулит забытой строкой:
Одним — черепок изгнания,
Другим — душевный покой.

КОМАРИНАЯ ПЕСНЬ

Никнет блеклая завеса,
Сырость без конца,
От реки ползет, от леса,
И сливает запах кресса
С духом чабреца.

Птицы в небе ни единой,
Все поля пусты, —
Лишь звенит над луговиной
Зуммер песни комариной
С малой высоты.

Воздух полон зыбкой дрожи,
Словно облака,
Вьются, прикасаясь к коже,
К волосам, в движенье схожи
С лаской ветерка.

Пруд — в кольце из краснотала:
Если б глянул я
В воду — ты бы мне предстала,
Словно в глубине кристалла,
В дымке комарья.

Гляну в зелень тьмы глубинной,
Вижу в тот же миг —
Там стоит живой картиной,
Тростником одет и тиной,
Станный мой двойник.

Рыба в озере взыграла —
Отвернись, молчи —
Комариного хорала
Вечный слушатель в устало
Медлящей ночи.

С РОЗАМИ В РАРОНЕ¹

Роза, о ты, благодатная крайне, ручей,
сон драгоценный — чистая радость каждому и никому.

(Надпись на надгробии Рильке.)

К мрамору плиты надгробной,
Под которой спит поэт,
На иное неспособный,
Только роз кладу букет.

Кожа девичья заране
Обретает смуглый цвет.
Разговор ведут крестьяне,
Дети молвят «да» и «нет».

Мир себя нашел в поэте,
Им спасен и обогрет.
И любой вопрос на свете
Превращается в ответ.

Спит, уйдя во тьму, в глубины,
Сердце-роза много лет.
Роза с сердцем — двуедины,
Тленью смерти дан запрет.

На поэта и на лиру
Лег молчания обет,
Но поэт оставил миру
Камень-розу, вечный след.

Роза, спящая влюбленно,
Пентаграмма и секрет.
Рот и рана, луч и лоно,
В персти персть, и в свете свет.

¹ В Рароне, в Швейцарии, похоронен Рильке.

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ

Стремянка ждет под яблонею каждой —
Бела и ясно в сумерках видна.
Наполнен мир неутоленной жаждой:
О мед небес, о синева руна!

Воспоминанья в ежевичной дымке,
Рассвет неспешный, утренний озноб —
Сбродилось лето, вынуты отжимки,
В корчагах — сусло, масло и сироп.

Пора для встречи с тою, что любима —
Где нет любимой — там горит земля! —
А дальше — время пусть проходит мимо,
Двоим тела и души веселя.

О лососинно-красная листва,
Глаза в глаза, в тени кровавых буков, —
И жизнь сегодня только тем жива,
Чтоб умирать, друг друга убаюкав.

Случайности сошедшихся примет,
Печаль и радость райского расцвета, —
О совершенство лета! Впрочем, нет:
Незримый миг оконченного лета.

ОТСУТСТВИЕ

Прогноз погоды для нас одинаков,
Хоть в мире мы — по разным местам.
«Здесь» и «там» — чем не формулы тайных знаков?
О мир, поделенный на Здесь и Там!

Место, где держит меня нужда,
Место, в котором томишься ты.
Любовь ничем не сыта никогда:
Ярость разлуки, зло пустоты.

Любовь и пища — так ведь немного.
Пространство и время — в одном кругу.
Но если к тебе и ведет дорога,
По ней до тебя дойти не могу.

Семикратным счастьем ты отблестала,
Прекрасней, чем в грезе, чем наяву.
Смерть уступила — и сердце стало
Стрелою, легкой на тетиву.

Жажда моя пылает пожаром —
Кто погасить бы его захотел,
Утишить сумел бы? Чахнет задаром
Яростный зов слияния тел!

Страшная сладость губит гурмана,
Стекая пламенем вдоль хребта.
Ржавый клинок, раскрытая рана,
Горькое ложе, скорбь, темнота.

Ничто и нечто, и ночь навеки,
Последнего меда скудный отстой.
Тело не спит, распахнуты веки,
Пустые руки полны пустотой.

TABULA RASA¹

Заканчивать. И начинать сначала.
Неслыханное — все-таки грядет.
Опять считает человеческий род,
Что пролил слез и крови слишком мало.

Мы стали неотъемлемою частью
Лавины, массы, общности любой.
И Цезарь, снова наделенный властью,
Нас отправляет в бой и на убой.

Бездарный демон, ждущий в эпилоге
Того, чтоб нас единый залп скосил!
Мы гибнем, мы собой мостим дороги
Из года в год. Пустая трата сил.

Мосты сжигаем, без раздумий рушим
Все на пути. По крышам — цепь огня!
Мы будущего ждем — и к нашим душам
Крадется ужас завтрашнего дня.

¹ (лат.) — здесь: чистый лист, «изначально пустое сознание».

Нам не до рифм, и к прочим тонким граням
Мы безразличны. Больше не взрасти
Цветам над болью. Только руки тянем,
Зажать пытаясь пустоту в горсти.

Молчим, страдая. Впрочем, вывод быстр:
К чему слова ограбленных и сирых?
Обломкам мира нужен ли регистр,
И должно ли копать в черных дырах?

Кто в сердце шепчет нашем? Почему
Мы ждем, что он, склонясь над горькой чашей,
Уронит каплю вечности во тьму
Вихреворота скорой смерти нашей?

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	3
Ханс Каросса. Полная расплата	5
Гертруда фон Ле Форт. Лишенные отчизны	6
Готфрид Бенн. «Станет ли жизнь печальной...»	7
Готфрид Бенн. Летом	8
Готфрид Бенн. Прощание	8
Готфрид Бенн. «Существуешь ли ты?»	9
Готфрид Бенн. «Клади белила на лицо»	10
Готфрид Бенн. Дни осени	10
Готфрид Бенн. Домой	11
Герман Казак. Гробница Волюмниев	11
Герман Казак. Рисунок	13
Герман Казак. Итог	13
Карл Цукмайер. Маленькие строфы о бессмертии	14
Карл Цукмайер. Старой женщине	14
Карл Цукмайер. Ненареченная звезда	15
Карл Цукмайер. Бухта в камышах	15
Карл Цукмайер. Время исполнения	16
Карл Цукмайер. Кленовый лист в лесном ручье	16
Фридрих Георг Юнгер. Мавританка	17
Фридрих Георг Юнгер. Собаки	18
Фридрих Георг Юнгер. Старики	19
Элизабет Ланггессер. Светлый день перед весной	20
Элизабет Ланггессер. Сказано в полдень	21
Элизабет Ланггессер. Дождливое лето (I—III)	21
Элизабет Ланггессер. Уход семян	23
Мартин Кессель. «Нет, мир земли не столь убог...»	24
Мартин Кессель. Другой	25
Хорст Ланге. Ангелу, сброшенному взрывом бомбы	25
Хорст Ланге. Луна Эллады	26
Хорст Ланге. Комариная песнь	27
Ханс Эгон Хольтхузен. С розами в Рароне	27
Ханс Эгон Хольтхузен. Конец сентября	28
Ханс Эгон Хольтхузен. Отсутствие	29
Ханс Эгон Хольтхузен. Tabula rasa	30

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● **«КАСКАД-230»**

Главное достоинство телевизора «Каскад» — высококачественное изображение, которое обеспечивает ряд автоматических регулировок, и высокая надежность в эксплуатации, которую гарантирует применение полупроводников интегральных схем. Кроме того, «Каскад-230» потребляет значительно меньше электроэнергии, чем телевизоры такого же класса.

В телевизоре «Каскад-230» предусмотрена возможность подключения магнитофона для записи звукового сопровождения, головных телефонов и пульта дистанционного управления.

Цена—250 руб.

ЦКРО «Радиотехника»